

Иана Зайцева

Я, дерево

Иана Зайцева

я, дерево

УДК 82-32(04)
ББК 84(4Рос)
317

Зайцева, Йана

Я, дерево: литературно-художественное
издание / Йана Зайцева. — Томск: Арсения
Зайцева, 2014. — 55 с.
ISBN 978-5-399-00045-9

УДК 82-32(04)
ББК 84(4Рос)

После снежной бури главный герой, молодой лесоруб, остаётся один на один с тайгой и со своим прошлым, таким же пустым и холодным, как этот зимний лес. Ему предстоит найти дорогу домой, которая одновременно станет путём освобождения от боли и тоски, путём очищения и успокоения. Но неожиданная помощь чуть не сводит героя с ума...

Я, дерево

Йана Зайцева

©Арсения Зайцева, 2014
©Йана Зайцева, 2013
©Александр Зайцев,
иллюстрации, 2014
©Арсения Зайцева,
редакционно-издательская
подготовка, оформление, 2014
ISBN 978-5-399-00045-9

Томск 2014

Либо в сумерках, либо на рассвете, когда смешивается свет двух светил, подойди к дереву, которым ты восхищаешься, и обними его. Прижмись щекой к его шершавой коре. Закрой глаза. Почувствуй, как проникает в тебя чистейшее, изгоняя прочь всё тревожное, болезненное, пустое, бессмысленное.

Так тихо вокруг...

Открой глаза. Посмотри наверх. Охвати взглядом весь ствол, все ветви, из которых сплетена крона, и выше, выше...

Видишь Бога?

— Где я? — первое, о чём подумал, когда открыл глаза. Всё вокруг было белым.

Ничего толком не соображая, будто пьян или сплю, я стал выкарабкиваться из похожего на болото сугроба. Поглядывая на лес, со всех сторон окруживший меня, словно пленника, на деревья, близкие и дальние, на воздух между ними, я вдруг вспомнил лица. Разговоры, смешки, запах солянки, спирта, наспех нарезанных бутербродов и жужжание, жужжание... И треск. Я понял, случилось что-то очень, очень нехорошее со всеми нами.

— Эй, люди! — закричал я, — Вы где? Что за шутки? Да где же вы все? Эй!!!

Озираясь по сторонам, я был уверен, что вот, сейчас, откроется тот самый, легко узнаваемый путь домой, но, оглушённый тишиной зимнего леса, с ужасом начинал понимать: дороги, ведущей в тепло, нет, как нет и моих собственных следов, по которым я мог бы вернуться назад.

Сугроб, сугроб, гроб... Я подумал тогда, как похожи эти слова. Зима. Тайга. Я один. И, наверное, просто замёрзну.

— Стой, подожди... — перебил я себя, — Мы шли на новое место... Старшой по дороге рассказывал сон, что ли... Да! Про крылья! Показывал, как ими махать надо!

Мне стало смешно. Я словно ещё раз увидел бригадира, который, изображая свой полёт, был похож на психа. Я смеялся и не мог остановиться. У меня уже катились слёзы из глаз, и болел живот от истеричного хохота, который я никак не мог унять. Странно, почему-то тогда мне совсем не было смешно...

Но вот что произошло потом, после того, как Старшой всех летать учил, я вспомнить не мог.

— Ладно, — сдался я, — Надо выбираться отсюда, надо, как там у него, «махать крыльями». Главное, что шапка на голове и рукавицы на руках, не пропаду, значит, — утешал я себя, — Нож?

Я залез рукой в сапог и облегчённо вздохнул — нож был на месте. Плохо было одно: спички никуда не годились. Они безнадёжно размякли от снега, набившегося в карман, и изломались под весом моего тела.

— Надо убираться отсюда. Скорее, скорее... — нервно поторапливал я себя, выстругивая из стройного тела застывшей сосёнки подобие посоха.

* * *

— Вот вчера мне снился сон, будто везде на Земле бедствие случилось какое-то. Там-то, во сне, непонятно, какое именно: то ли всемирный потоп, то ли вселенский пожар, аль ещё чего страшнее... И известие это застало меня далеко от дома, в каком-то большом городе. И там, во сне, душа так невыносимо болеть начала: мол, как там мои? А везде паника, суета... Люди мечутся, словно все разом с ума посходили. Транспорт никакой не ходит... И нехорошо мне так стало, тревожно. Стою я посреди улицы и не знаю, что делать. Вот...

Вдруг, думаю, залезу-ка я на крышу самого высокого дома, огляжусь вокруг, можь, чего и увижу, можь, и прояснится что...

Залез, значит. Стою высоко над городом, смотрю: мгла над землёю висит страшная, а я вглядываюсь вдаль в надежде увидеть наши края, да вглядываюсь так, что аж там, во сне, глаза заболели от напряжения!

Смотрю и думаю: пешком идти далеко и долго, и доехать не на чем — вот ситуация. А всё существо моё нервничает, домой спешит, переживает.

И вдруг мне в голову приходит мысль: а что, если просто взять и полететь? Разбегаюсь я, значит, и прыгаю с крыши! Взмахиваю руками, будто крыльями и — не поверите — лечу! Лечу, и чувство такое, словно плыву, и там, во сне, вовсе тому не удивляюсь, будто естественно всё это! Только вопрос в голове висит: почему все не летят кому куда надо, а бегают внизу, маленькие такие, беспомощные. И жалко их всех. А я лечу, и мне хорошо! Но скромно так хорошо — по делу ведь лечу-то, а не в удовольствие...

Лечу и вдруг думаю: не упасть бы. И ещё думаю, чтобы не упасть, надо крыльями махать сильнее и ноги держать правильно. Вот как получается.

И начал я было уж из сил выбиваться, как заметил вдали свой дом. И, чтобы долететь, стал так сильно махать руками, что там, во сне, было слышно, как воздух свистит!

— То есть, чтобы летать, просто руками махать надо? Так, что ль, выходит?

— И ими тоже.

— А своих-то нашёл?

— Нашёл... Влетаю я в свой дом, а там мой сын, малой самый. Один совсем. Стоит посреди залы, увидел меня и спрашивает: «Папа, а почему я это я?»

* * *

— Я похож на Деда Мороза? Иду тут... Я словно мертворожденный... всю жизнь... Я не я... А действительно, почему я — это я? Ни птицы не летают, ни звери не ходят... Почему? Интересно, почему у людей, живущих на севере, глаза карие? Мне кажется, что у эскимосов, у чукчей волосы и глаза должны быть белые-белые. Почему, почему, почему? Почему всё так? А голые берёзы похожи на скелеты... Я не помню лето. Всё дышит, стрекочет... Небо синее-синее! Разве так бывает? Синее, зелёное, жёлтое... Разве бывает в природе так разноцветно? Вот если бы все деревья вмиг стали горячими! Везде зима, а у нас тут, в лесу, тепло... Берёзы, как скелеты... И такие же белые, как этот мерзкий снег... — Главное — идти, если не хочешь околоть здесь. Идти, идти, не останавливаясь, — говорил я себе, ступая в этот притворившийся спящим мир, который уже раскрыл свою ледяную пасть, чтобы поглотить меня, не оставив ничего от моей жизни, словно той и не было никогда. И я шёл. Шёл по зимней тайге, и мне казалось, что я нахожусь в космосе, где хрупкому, незащитному человеку без какого-нибудь скафандра делать просто нечего.

— Все мы здесь чужаки, инопланетяне... — думал я, и мысли мои металась в поисках волшебного места на земле, где всегда тепло и где небо всегда высокое, прозрачное, даже ночью, где грустить не хочется, и ничего не болит, и жить хочется, потому что нет причин, чтобы не хотелось...

— А я, дурак! Самовольно загнал себя в эту дыру!

Я разволновался и разозлился даже:

— Да чтоб всю эту чёртову деревню сожрал снег! И всех их! Всех! А может, — вдруг осенило меня, — Так оно и случилось? И больше нет никого на всём белом свете. Только я. Один. Меня будто током ударило. Я встал, как вкопанный. Голова закружилась... Словно откуда-то издалека я увидел огромный белый шар Земли, засыпанный снегом, и маленькую чёрную точку на нём — себя. Весь мир показался мне каким-то бессмысленным, неодушевлённым, а я сам — таким ничтожным. Нет, к этому я готов не был.

Путаясь в снегу и в своих мыслях, я бросился бежать, подгоняемый родившимся вдруг безудержным желанием скорее убедиться в том, что всё на своих местах: маленькие унылые деревни, орудия города и все эти чужие, незнакомые люди, равнодушные к моей судьбе.

В этой глухой, далёкой от цивилизованной жизни деревне, у которой и названия-то не было, я жил полгода. С благословения старожилков я поселился в крепкой ещё, заброшенной избе, что стояла в самом центре деревни. Деревенские сторонились меня. Не глядели с любопытством вслед, не заглядывали в глаза... Не понимая моего пребывания здесь, моей замкнутости и угрюмого вида, не задавали вопросов, не лезли в душу. Их безразличие меня устраивало.

Устроившись в местный лесхоз, первые месяцы я сидел, как самый образованный, в конторе, перебирал бумажки, чертил графики, печатал отчёты, глядел в окно и мучил себя воспоминаниями о прошлой жизни, забыть которую пытался. Когда начальство заметило, что ум мой занят мыслями, далёкими от реальности, и что толку от моего сидения никакого, меня отправили в тайгу, валить лес.

Первое время я уставал так, что еле доползал до кровати. Копаться в себе сил не было, не было сил просто чего-то хотеть. Работал и спал, спал и работал — это всё, на что меня хватало. Сознывая, что превращаюсь в животное, я тешил себя надеждой, что вот, завтра, брошу топор и пойду дальше, куда глаза глядят. Куда-нибудь полечу, как ветер, нигде не останавливаясь, ни на чём не заостряя внимания, ни во что не вникая и ни к чему не приближаясь... Или наоборот, на что-нибудь нарвусь и сгину из человеческого мира навсегда. Рюкзак был собран. Каждое утро я смотрел на него с мольбой, словно на икону: «Давай, зови, пойдём!» — но он молчал. Да и я, зная его вес

и собственную немощь, одевался и шёл, словно робот, махать топором «по грамоте», «шевелиться шустрее» и «не спать, чё, красавица?».

Дни летели... Летели листья с деревьев, летели первые снежинки, а я всё жил в этом забытом богом месте и уже не глядел по утрам на рюкзак. Я смотрел в окно на парящий снег без чувств, без эмоций, с одной лишь мыслью: какие носки надеть, чтоб не замёрзнуть в лесу, и какой свитер, чтоб не вспотеть... А между тем снега становилось всё больше, и уже не было видно дороги, что вела вон отсюда, были засыпаны тропы, завалены норы — зима вторгалась в жизнь всё глубже и наглее.

Несколько последних недель, самых морозных и лютых до буранов, мне приходилось мёрзнуть как никогда и сильно сожалеть о том, что не убрался отсюда до холодов. Я ненавидел этот лес, эту работу, этих мужиков с потрескавшимися от мороза лицами, которые, словно издеваясь, называли меня «немым». Жужжание пил, стук топоров и хруст ломающихся, словно кости, ветвей... Я ненавидел снег и все эти местные красоты, которыми восхищался первые дни. Да и всю эту жизнь, в которой меня ничего не держало, ненавидел!

Я молчал. Мужикам же казалось, что я то ли не в себе, то ли по причине своего городского происхождения просто брезгую ими, избегая общения. Меня это не волновало. Мне не о чем было говорить с ними. И незачем. Разве что со Старшим — так звали нашего бригадира — да и то изредка, если сам что спросит. Его ненавязчивое участие в моей судьбе, да и не только в моей, как-то незаметно, без насилия, внушало веру в то, что всё в этой жизни имеет повод и причину, и что всё, в конце концов, обязательно будет хорошо, и истории его подтверждали это.

Байки, страшилки, сны, ловко сплетенные из, вроде бы, самых простых слов, никого не оставляли равнодушным. Всякий раз, когда Старшой заводил своё повествование, все вдруг смолкали, словно дети, которым рассказывают давно обещанную сказку, собирались вокруг него или, застигнутые работой, замедляли движения, приглушали звуки, доверчиво погружаясь в реальности и фантазии бригадира. И казалось, что этих озлобленных на жизнь людей и меня, ничем не отличающегося от них, связывал в одно целое этот сказочник, этот счастливый, несмотря ни на что, человек.

Старшой... Другого имени у него не было. Казалось, что его так и звали с пелёнок: Старшой да Старшой... Первенец, старший брат, бригадир-начальник, отец большого семейства. Он был чуть взрослее меня, но то ли врождённая мудрость, то ли манера разговаривать, словно столетний дед, а может, колдовское обаяние, которого у него было хоть отбавляй, заставляло всех уважать и слушать его. Почётное «звание» Старшого было тому подтверждением.

— Ему бы в рясе ходить да бабушек исповедовать, — думал я не раз, с раздражением глядя на то, как он долго и терпеливо рассуждает про вселенские законы бытия с каким-нибудь тёмным, глухим сердцем, мужиком. Учит смирению и любви, ясности мысли и свежести восприятия мира. На свой лад, конечно... Весь он был такой правильный, такой «свой» для всех них, ну прямо местный бог! И жена была ему под стать — понимающая. И дети — румяные, весёлые, с крыльшками за спиной. Такие вот они были ладные среди всей этой серости и какой-то всеобщей тоски.

— Вот не посадишь ты дерево, дом не построишь и сына ты не родишь, — сказал однажды Старшой, обратившись ко мне во время очередного перекура, — Но дело, самое главное дело жизни, всё равно сделаешь. И он сделает, и я... Но суть в том, что при жизни-то никто и не знает, какое оно из тыщщи переделанных тобою дел, а то и из миллиона... Ведь многое, что кажется важным, тем может и не оказаться. Словно Великое Нечто возьмёт и просеет потом всю твою жизнь сквозь волшебное сито. И все мелочи, всё ненужное враз отпадёт, и останется только главное.

Мужики, сидящие у костра, закричали, представив себе Нечто с огромным ситом в руках.

— А если человек всю жизнь делает то, чего делать не хочет? В чём же тогда заключено это ваше самое важное? — спросил я его тогда, разозлившись на такие выводы, как мне показалось, относительно меня. — А если он вообще ничего не сделал?

— Ну... — протянул Старшой, ничуть не удивившись, услышав мой голос, — Каждый человек сам придумывает свои несчастья. Вот не хочет он видеть в плохом хорошее, и всё тут! Ишь, ничё он не сделал! Порой то, чего не сделал, и есть то, что сделал.

— А если не понимает? А если он так и сдохнет, чувствуя себя обиженным?

— То, что ты в унынии, так это ж видно, — произнёс Старшой и, заглянув в небо, словно выглядывая подтверждение своим словам, продолжил:

— Ведь человек, который хочет жить, не крадёт у себя настоящее. А ты то ли в прошлом застрял, то ли в будущем витаешь. Одно знаю наверняка: плохо это.

Ничего больше не ответив, он посмотрел на меня так странно, словно внутри у него включился некий прибор, который позволяет видеть человека насквозь, проникая в самую сущность. Мне стало так неловко, будто я стою перед ним голый и вся дисгармония моего тела, все душевные пороки стали видны, все до единого. Я отвёл глаза и пожалел, что заговорил с ним. Лучше бы молчал как всегда.

* * *

— Однажды, давным-давно, в детстве, матушка занесла с улицы стираное бельё. Такое мороженое, хрустящее... А я ей говорю: «Уноси его скорее обратно, а то страшно! Оно космосом пахнет».

— И что, прям-таки унесла?

— Нет, конечно... Сказала, что запах зимы, мол, для белья и для людей очень полезен. Дезинфицирует. Нечисть всякую вымораживает. Очищает, то есть.

— Выходит, зима нужна.

— Выходит. Она как врач. Тоже в белом вся.

Почему именно я нашёл его?

Старшой был словно живой, мне даже показалось, что если занести его в тепло, он согреется и оживёт, проснётся и спросит, где все, расскажет, что снилось...

Я взгромоздил его себе на спину и попытался идти, но, не справляясь с ношей, всё падал и вставал, вставал и падал, пока не выдохся окончательно. Нужно было что-то делать... Бежать! Звать людей! Кричать на всю Вселенную: «Помогите!» Должен же кто-нибудь быть рядом! Вместо этого я медленно умирал от собственной беспомощности.

«Массаж сердца, искусственное дыхание...» — я старался вспомнить, как это делается, но, вглядываясь в белое как снег лицо Старшого, думал о другом. Я смотрел и не мог понять, в моей голове просто не укладывалось, как такое могло произойти. Ведь совсем недавно этот человек был жив, дышал, говорил... И весь этот мирок, в котором и я существовал, вертелся вокруг него, как возле солнца. А теперь что, конец света? Я не понимал! Я не хотел верить в то, как это, оказывается, просто — умереть. Я смотрел в его лицо, спокойное и красивое какой-то неприятной, потусторонней красотой, и вдруг вспомнил свой первый день в тайге. Как после невыносимой отсидки в конторе Старшой повёз меня на новое место работы — в тайгу. Повёз сам, словно никому не доверяя мою душу.

На старом грохочущем тракторе мы ехали по осенним урманам. Было холодно, неудобно. За всю дорогу Старшой не проронил ни слова. Молчал и я. Только когда въехали на участок, он сказал мне, заглушив мотор:

— Свежий воздух тебе нужен... А то ты серый, как небо, — и, выскочив из кабины, ушёл к мужикам. Они весело размахивали топорами над поваленным деревом и сквозь синюю дымку от костров были похожи на персонажей какой-то страшной сказки.

А я... Я был не серый, я был чёрный, что потухшая головёшка, не сгоревшая, как положено. Было больно есть, спать, дышать, жить. Но никому на этом свете не было до этого дела.

Ничего не объясняя, мне сунули в руки топор, показали пальцем, куда идти, и забыли. Никогда ещё в своей жизни я не был в тайге так глубоко. Всё было новым: запахи, цвета... Всё было другое: трава, деревья. Даже те, что были повалены... Лес смотрел на меня во все свои жёлто-зелёные глаза, величественно и враждебно. Я смотрел на него взглядом чистым, как у ребёнка. Не выпуская из рук топора, будто во сне, я ходил по нему, не зная, что делать, что рубить...

Отыскав взглядом Старшого, я было пошёл к нему с вопросами, но пронзительный рёв пилы остановил меня. Я бросил топор и заткнул уши. Этот звук, словно звук зубной дрели, сводил меня с ума. Я стоял, обхватив голову, и смотрел на дерево, самое высокое и сильное. Смотрел, как мужики, словно мухи, елозят под ним с пилами. Видел, как дрожала его крона, как падало оно на меня... Я не слышал их криков, не видел, что они мне машут. Вокруг была тишина, та самая, гробовая, как тогда, на дороге...

Грубый, сильный удар в спину сбил меня с ног. Я упал. Дерево рухнуло рядом. Земля сотряслась. Я слышал, как затрещали в ней камни, как зашевелились

глины и пески, забеспокоились насекомые, заняли корни трав и живых ещё деревьев. Я видел ноги лесорубов: сорвавшись с места, они рванули ко мне. Нет, не ко мне — к упавшему дереву. Что-то кричали, плююсь и ругаясь... Бригадира придавило веткой. Так, слегка. Разорвало фуфайку, оцарапало лоб.

— Едва успел... — как-то странно похохатывал он, когда мужики, заохав, словно бабы, бережно взяли его под руки, подняли... Освободившись от их объятий, он подошёл ко мне. Я всё ещё лежал в куче хвои. Наклонившись низко, он посмотрел мне в глаза, пытаюсь сообразить, в уме ли я. Сделав быстрый вывод, схватил меня за грудки и, поставив на ноги одним движением, сказал, просто и без злобы:

— Отдыхай неделю.

Вечером этого же дня он принёс мне щенка.

* * *

— Так странно... Никогда его не увижу.

Я стоял и ждал, когда наступит момент смирения. Я ждал той минуты, когда не почувствую ничего, кроме температуры воздуха, которая мне очень, очень не нравилась. Тогда, не сокрушаясь больше о гибели хорошего человека, я закопаю его обратно в снег и спокойно пойду дальше.

— Слушай... Мне нужно идти, — наконец выдавил я из себя и принялся лихорадочно засыпать Старшого снегом.

— Нет, ты не подумай, — причитал я, — Я бы ещё посидел. Рассказал бы что-нибудь... Думаешь, мне нечего рассказать? Не всегда же я был «немым».

Я сорвал с себя шапку и стал черпать снег ею. Как сумасшедший, я всё вываливал и вываливал его на бригадира, который уже растворился в окружающей нас белизне.

— Найдут, надеюсь, — подумал я и замер.

Вглядываясь в тайгу, чтобы запомнить место, я увидел... пустоту. Пустоту, состоящую из снега и деревьев, из деревьев и снега. Из невыносимой тишины, какая бывает только, наверное, в склепах: лес стоял тёмной, густой стеной, закрыв собою всё небо, впитав и поглотив в себя все звуки и все посторонние, мешающие ему спать, трепыхания. Всё было как в чёрно-белом немом кино — бесцветным и безголосым.

И тут я словно прозрел: я понял, что никогда, никогда не выберусь из этого проклятого леса, который стал нам могилой! Уж если Старшой не смог, то я и подавно. Вот только похоронить меня будет некому. И поплакать.

Ком подступил к моему горлу. Мне стало так жаль себя, как не было жаль ещё никого на свете. Я почувствовал себя безмозглым жертвенным бараном, участь которого давно известна, осталось лишь дожидаться назначенного часа. Невероятная обида на кого-то, кто всё это устроил, вонзилась в меня ядовитым копьём. Я стоял, не в силах сделать и шага. Казалось, я сломался пополам, как ломаются хрупкие деревца под шквальным ветром. Но вдруг я вспомнил, что хотел рассказать Старшему историю, которая и стала причиной того, что происходило со мной в то время.

— Может, она не такая уж интересная... Скажешь потом! Ты же теперь везде! — ничуть не сомневаясь, кричал я куда-то ввысь, отдаляясь от него всё дальше и дальше, — Вот я мучаюсь тут, а ты себе паришь, и холод тебе нипочём, и безнадёжная дорога тоже... Так что, слушай! Что тебе ещё делать-то?..

Однажды я убил себя. Так бывает... Самоубийство такое вот. Нет, нет, не ног, не рук с головой... Ты думаешь, я такой банальный? Не тела. Хуже. Я куда-то шёл, не замечая, что иду, и говорил, говорил... Мне так хотелось всё рассказать, всё до конца, и то обстоятельство, что Старшой ничего не скажет в ответ, признаться, даже радовало меня.

* * *

Был человек в моей жизни. Долгие годы не было ничего между нами: ни дружбы, ни разговоров — даже пустых. Место и время — вот что связывало нас. Проходя друг мимо друга, мы даже не здоровались. Просто встречались взглядами. Даже не взглядами... Вернее, взглядами. Как сказать... И здоровались, конечно. Но не вслух и не словами, а как-то телепатически, что ли.

Знаешь, тогда я был не то, что сейчас... Все девушки слетались ко мне как мухи на мёд, все ребята хотели со мной дружить. И я со всеми был и со всеми дружил. Только не давало это ничего... Но всё это я потом понял. Словом, был человек в моей жизни, без которого я задыхался. «Но разве так бывает?» — спрашивал я у себя, — «Это просто фантазии!» И у меня уже была подружка...

Однажды мне приснился сон. Я видел шумный праздник. Среди толпы счастливых людей я один был тихим и невесёлым. Потому что она была там. Я сидел, окружённый всем этим хохотом и блеском, и кроме цвета её платья не видел ничего. Я смотрел на неё как вор, украдкой... Я сходил с ума от какого-то блаженного и одновременно мучительного чувства, разрывавшего меня на части! Почему-то я боялся подойти к ней... Боялся встретиться взглядом.

Чтобы отвлечься, заказал себе мороженое с ананасом. Представляешь, во сне я чувствовал этот вкус! Мороженое... Ананасы... Сижусь, ем это мороженое, вернее, делаю вид, что ем, а внутри всё переворачивается! И вдруг она сама подходит ко мне. Садится рядом и, наклонившись близко-близко, протягивает мне большое зелёное яблоко и говорит: «А с яблоком вкуснее...»

Почему я так хорошо помню тот сон, почему рассказываю? Не только из-за того, что в нём мы были близки, а потому что во сне этом я был по-настоящему счастлив. По-настоящему, понимаешь? До дрожи, до слёз.

Знаю, ты бы меня пожалел: бедняга, счастлив он во сне...

Проснувшись, я целый день находился в состоянии какого-то шока. Да, я понимал, что это был всего лишь сон. Пусть реальнее самой реальности, но сон! Но только... Представляешь, вечером этого же дня она пришла ко мне домой! Вот так вот, запросто, постучала в дверь...

Удивление, не то слово! Я был напуган и растерян! И ещё эта чёртова сорочка моей подружки на кровати...

Как думаешь, почему она пришла? Быть может, ей тоже что-нибудь снилось? Почему я не спросил? Да, я уделил ей весь вечер. И весь этот вечер мы разговаривали о чём-то, но всё не о том. А потом она ушла. Конечно, мы встречались ещё не раз. Случайно. На улицах или в кругу общих знакомых. Встречались, вежливо обменивались улыбками, иногда дружески болтали и расходились каждый по своей жизни. И всякий раз, когда я видел её, мой сон всплывал из памяти и переворачивал всю душу! Но я говорил себе: «Не будь идиотом, ведь ты её совсем не знаешь. Да и что можно узнать за один вечер? А знакомиться ближе...»

И вообще, всё было как-то мутно, неясно: взгляды, сны, какие-то сердечные волнения, непонятные, беспричинные... Задумчивость не о чём и не с чего... Всё это было не в моём характере, я с этим всегда боролся, ну, не свойственно это было мне!

А ещё... Я не пригласил её на свой день рождения. Да я и не обязан был, но получилось как-то нелепо. Шёл я с тортом из магазина, навстречу она. Обрадовалась, сияет... Поздоровались. Я, представив со стороны свой глупый вид — с тортиком — говорю, словно оправдываясь: у меня мол, сегодня день рождения, — а всем своим видом показываю: извини, тороплюсь, друзья ждут, подруги... Как дурак!

А вообще, я молодец. Я всё сделал для того, чтобы мне было просто забавно. Подумаешь, ещё одна влюбилась в меня! Нам не жалко.

Ты думаешь, я сам виноват? Что не был откровенен сам с собой, что ничего не сделал... Или ты скажешь — не судьба? Знаешь, я тоже говорил себе это. Но сейчас мне кажется, что я был банальным трусом, самовлюблённым и чересчур уверенным в себе.

Не судьба... Судьба давала мне счастье в руки! Преподнесла, можно сказать, с красивым предисловием... Не надо — отдам другому! Хм, другому...

Им оказался мой друг. Свалился как снег на голову... Вернулся из своих экспедиций, алчущий любви, жаждущий семейного спокойствия. Я и не подозревал, что у них так быстро закрутится... Встретились где-то случайно, познакомились... Мой друг — с малолетства вместе — весь сиял. Да что там сиял — парил на крыльях! Всё обещал познакомить со своей новой девушкой. Всё твердил, что нашёл единственную... Фея — так звал он её. Познакомил. Помню, я дар речи потерял, когда он мне её представил. «Мне назло», — думал я, но не тут-то было... Она тоже выглядела счастливой. Хотя в глазах её, в самой их глубине, была какая-то затаённая печаль.

Точно такую же печаль я видел и в своих глазах, когда смотрел на себя в зеркало, но с той лишь разницей, что моя словно безнадежная болезнь стремительно пожирала всё моё существо, а её печаль, пусть медленно, но растворялась.

Мы виделись чаще: дружеские посиделки, выезды на пикники... Я узнавал её. И чем лучше я узнавал её, тем больше поражался тому, насколько верным было моё представление о ней. Это был мой человек, мой! И я чувствовал, что она согласна с этим. Мне казалось, она лишь ждёт момента, когда я подойду к ней, возьму за руку... Я ждал, ждал того самого, подходящего дня...

Когда мой единственный верный друг сообщил, что они уезжают в другой город — перспективы, мегаполис, то, сё, — мой разум помутился. Для меня это означало одно: женитьба, дети... Что означало другое: потерять её навсегда. Я взорвался! Ну, как взорвался... Встретился с ним, напились как дураки на прощание... Я насочинял ему всякого. Мол, что мы раньше встречались, с ним она назло мне и прочее...

На все выпады в её адрес мой друг лишь мотал головой, твердя, что ему всё равно, что он всё равно любит свою Фею и в жёны возьмёт только её, и только от неё хочет детей: мальчиков, девочек... Проклинаю себя за это! Но чтобы добить его, я сказал, сочувственно так, с грустью...

— Представляешь, у неё не будет детей. Именно поэтому мы и расстались... Но это всё ерунда, — говорил я, — Если у вас настоящая любовь, вы сможете кого-нибудь усыновить...

Мой единственный друг хотел было после этих слов дать мне в морду, я уже видел перед собой его

сжатую в кулак руку, но вместо этого он как-то странно посмотрел на меня, каким-то другим, трезвым взглядом, встал и ушёл.

Почему он не сделал этого? Лучше бы я лежал с поломанным носом в хмельном угаре, одуревший от боли, а не от злости на себя, на него. Зачем я вообще проснулся в тот день? Почему не спал в забытии сном младенца или больного комой? И почему не слиплись мои губы, не онемел язык, когда говорил я весь этот бред? Зачем я не ушёл сразу, а сидел час, второй, словно ждал, когда он придёт домой, когда они поговорят...

Я заметил её ещё издалека. Помню, даже слегка удивился, какое мёртвое — да, да, именно это слово тогда чётко обозначилось у меня в голове, — было у неё лицо. Я понял: то, чего я так хотел, свершилось — она от него ушла. До сих пор чувствую на своей физиономии улыбку, гнусную, гадкую улыбку предателя!

Когда она увидела меня, в её глазах застыл ужас. Заметалась: вправо, влево... Рванула куда-то... Не помню, как всё произошло. Помню лишь тишину, что повисла в воздухе за секунду, за мгновение. Мне даже показалось, что я оглох. А потом этот звук.

Я не смог подойти. Я так и не подошёл. Ни когда спрашивали, знает ли кто-нибудь знает эту девушку, ни когда подъехала скорая... Это был не шок. Это был страх: а вдруг она жива?

Утром следующего дня мой бывший друг позвонил мне, глотая сопли и слёзы, сказал, что его Феи больше нет. Сказал, что вчера вечером у них был разговор, что он спросил у неё всё — ну а как, он же должен знать с кем живёт! Сказал, что потом она

ушла, а через полчаса звонок, сказали, бросилась под машину, что были свидетели, видели, как шла по тротуару, а потом бросилась...

— Это я всё виноват! — ныл он, — Это я убил её! Я слушал его и понимал лишь одно: нет, это я убил. Её, его, себя... И это я умер там, на дороге.

Вечером этого дня меня в городе уже не было. Да, я бежал. Мать, наверное, с ума сходит...

Прав ты был, Старшой, не будет у меня сына.

* * *

Я думал, что, наконец, рассказав всё о том, что камнем лежало у меня на сердце, душе моей сразу станет легко, как тысячу лет назад, но получилось наоборот.

Мне стало плохо... Я рухнул в снег и замер, как замирает человек в приступе острой боли. Где-то рядом треснуло дерево, раскалённое морозом.

— А может, я всё это себе сочинил? — вдруг подумал я, — Весь этот бред. Все эти глупости... А может, и не было ничего? И всё это было не со мной, а с кем-то другим... А может, мне это всё приснилось, как то мороженое...

— И не хочу больше думать! — закричал я во всю силу своих лёгких:

— Измучила! Ты измучила меня!!! Ведьма! Жалкая ведьма!

Отчаяние, злость и полнейшее физическое бессилие смешались внутри меня в гремучую смесь. Добравшись до ближайшего дерева, я упал возле его подножия, и меня сорвало... Из меня вырвалось всё, что накопилось за одинокое время моей добровольной ссылки, за длинные, задумчивые дни моего молчания.

— Это ты так отомстила мне? Да ты же баба! Банальная баба! — орал я, — Исчезни из меня навсегда! И ты тоже исчезни! Такой хороший и добрый... Что ж ты сдох-то? Каши мало ел, что ли? Бросил овечек своих на произвол... Кому же они теперь в рот смотреть будут? Умный он. Хороший... Все вы такие хорошие! А я вот нехороший! Не вижу и не понимаю ничего... И куда уж нам до вашего красноречия... И ничего я тебе не рассказывал!

Я не тебе рассказывал, не с тобой говорил! Не было ничего! И лежи там себе и молчи! Измучил своими советами... Пусть теперь у тебя всё будет плохо! А то улыбается он всё, советует...

Я был уже весь багровый от крика. Мой голос, сорвавшись в хрип, больше не подчинялся мне. Уткнувшись лицом в ствол огромного дерева, я зарыдал, как ребёнок:

— Ненавижу, ненавижу! — повторял я, глотая слёзы, — Тебя нет! И не было никогда. А ты... — обратился я ко всему, что меня окружало, — Почему ты так ненавидишь нас? Ведь мы хотим так мало, всего лишь тепла в своих норах! А ты? Ты так ненавидишь, так мучаешь нас...

Тогда я плакал в первый и в последний раз своей взрослой жизни. Я вспомнил недобрым словом все свои неудачи и несчастья, всех людей, которые когда-либо причинили мне боль и страдания, и всех тех, кто заботился обо мне и, быть может, даже любил. И этому снегу и лесу я сказал всё, что о нём думаю.

Слышал ли он меня?

Обессиленный, я стих. Кровь в моих жилах стала бежать ровно и неспешно, охлаждая разгорячённое сердце. Я сидел, прижавшись к дереву, жёсткие морщины коры больно впились в щеку, слившись с моим лицом в одно целое, а я всё сидел, не двигаясь, словно окаменев.

Я решил умереть. Здесь и сейчас. И ничто не помешает мне. Я сидел, закрыв глаза, и слышал только, как устало бьётся моё сердце: всё тише, тише... Кровь течёт всё медленней... Весь этот окаянный мир наконец-то исчезал, погружая меня в полную пустоту.

— Вот и всё... — не успел подумать я, как почувствовал нечто странное: моего остывающего тела вдруг коснулась волна тёплого воздуха.

— Наверное, так и должно быть, когда умираешь: так тепло, так хорошо... — мелькнуло в моей голове. Второй поток воздуха, ещё теплее, накрыл меня с головой. На мгновение мне показалось, что, примчавшись из далёких краёв, само лето решило согреть меня своим дыханием!

Третья волна была столь ощутима и горяча, что меня качнуло. Я чуть не задохнулся! Было ощущение, что кто-то приоткрыл топку огромной печи! Так жарко на том свете могло быть только... в аду. Я испугался, я так испугался! Замерев на секунду, я вздрогнул. Это казалось невозможным: тепло исходило от врезавшегося мне в лицо дерева! Я открыл глаза, приложился к нему другой щекой, ладонями...

— У меня жар... — подумалось мне тогда. Но это не я, это дерево было горячим! Таким горячим, что об него действительно можно было греться как от печки! Казалось, что внутри у него пылает костёр!

— Горячее дерево? — то ли спрашивал, то ли удивлялся я, уже позабыв о своих намерениях, — Хотя, всё правильно. Это же дерево... Деревья и должны быть тёплыми... Что им? Стоят себе круглый год под солнцем, нагреваются. Не удивлюсь, если они вдруг станут светиться по ночам. Или это какой-то фокус? Я понимаю, я ведь не совсем... это как сон... или я всё-таки в раю?

Я сидел, боясь шелохнуться и вспугнуть то,

чему не мог найти объяснения, да и не хотел. Прижавшись к дереву всем телом, я желал только одного: вращи в него, слиться с ним в единое горячее целое, утонуть в его тёплых объятиях, спрятавшись, словно цыплёнок под крылом у наседки, от стеклянных, наводящих ужас на всё живое белых глаз зимы.

* * *

Господи, хочу быть мышкой-норушкой или младенцем в люльке. Ни о чём не думать, ни о чём не знать...

Эта зима словно катастрофа, что с завидным постоянством случается в одно и то же время. И что самое страшное — к ней все привыкли...

Как я понимаю животных, притаившихся в норах, и всю мелкую сущность, спящую под онемевшим от дыхания зимы травяным одеялом. Как бы мне хотелось быть одним из тех, кто в ярких, горячих снах переживает её присутствие.

Отгоняя от себя мысли о холоде, который, вонзаясь в моё тело миллионами раскалённых иголок, причинял невыносимую боль, я двигался вперёд. Я шёл, представляя, что иду не по снегу, а по облакам, пушистым и влажным... Или по молочному озеру. Нет, по молочному морю! Тёплому, бескрайнему... Всё иду и иду... Молоко под моими ногами превращается в сметану. Я беру её горстями и ем, утоляя жажду и голод.

Боль оборвала видение. От снега, еле таявшего во рту, занули зубы. Сплюнув, я было свернул в сторону, но исполинская сосна, преградившая дорогу, заставила меня остановиться. Изгиб ствола и ложбинка в коре... У такого же дерева совсем недавно я сидел!

— Вернулся назад? — первое, что пришло мне в голову. Но увидев ровный, чистый снег под ним, я растерялся.

Я внимательно оглядел дерево со всех сторон. Старые сухие ветви, самые нижние, были как распостёртые гигантские руки, — казалось, я уже видел эти очертания. И эта чёрная хвоя, свет через которую, почти не пробивается...

— Как похожи... — думал я с неподдельным изумлением, — У людей же рождаются близнецы, почему бы и у них... Может быть, просто никто никогда не обращал внимания?

Подступив к дереву поближе и осторожно похлопав его по стволу, я с облегчением вздохнул: горячим оно не было. Убедившись в том, что это самое обычное деревянное дерево, я обрадовался: значит, и тогда не было ничего...

Отвлёкшись от переживаний по поводу собственной потерянности, мысли мои обратились на эти сосны. Я представил, как два одинаковых семечка, — нет, даже три, четыре... — вылетели из одной сосновой шишки и, покругившись в воздухе, приземлились недалеко друг от друга. Недалеко... Наверное, был полный штиль. А потом выросли в большие деревья. И, конечно, они похожи, ведь из одного места появились, росли одновременно, день за днём, год за годом... Под равномерно распределёнными между ними дождями, снегами, ветрами...

Пока я рассуждал об этом, мне стало даже как-то весело. Пусть я шёл очень медленно, но я шёл, и в голове моей больше не было места думам об усталости и холоде, об одиночестве и тоске. Только золотистые сосновые семечки кружились в прозрачном, наполненном солнечным светом воздухе.

Я плыл по белому морю-снегу, то и дело проваливаясь так глубоко, что касался ногами окаменевшей травы. Я плыл, и мне становилось даже забавно: всё вокруг казалось суровой, но озорной игрой. Я полз и стыдил себя за то, что позволил глупому страху вот так, запросто, овладеть собой.

— Ну, как ребёнок, — говорил я себе, — Чего испугался? Леса да снега? А Старшой... Ну а что Старшой? А был ли? Есть только ты, и ты — просто гуляешь...

И я «гулял, дышал свежим воздухом, любовался красотой зимней природы», как это и должно было быть на безобидной прогулке. И вот я выбрался на опушку.

Улыбка сошла с моего лица. Я не знал, что и думать, но дерево, то самое, с раскинутыми, словно в страстном желании задушить меня, ветвями, стояло предо мной. Увидев третье «проросшее семечко» я почувствовал себя обманутым, глупым зверёнышем, с которым, глупо потешаясь, играет кто-то непонятный и страшный.

— Мираж... — успокаивал я себя, — Что-нибудь профессиональное... Наверное, у всех этих чёртовых лесорубов так.

Отгоняя от себя мысль, что это оно — то самое, я приблизился к дереву, обошёл его несколько раз. Нет, этого не могло быть, как и не могло быть необъяснимой похожести пусть двух — но трёх деревьев, стоящих в километре друг от друга! Я решил сделать на стволе метку, чтобы знать наверняка и больше не думать об этом.

Я достал нож и старательно высек на стволе большой, чтобы издали было видно, крест, на секунду задумавшись о том, почему не пометил таким же способом место, где лежит Старшой. Внезапно непонятно откуда взявшийся в тихом лесу мощный порыв ветра качнул тяжёлую крону. На меня посыпались большие комья снега с наледью. А один упал мне прямо на лицо, когда я поднял голову, чтобы посмотреть, не птица ли там сидит...

Птиц не было. Ветра тоже. Вытирая шарфом покрасневшее от удара лицо, я почувствовал, как у меня всё похолодело внутри. Стало по-настоящему страшно. Мне казалось, что кто-то следит за мной, прячась в тёмной лесной глубине, и даже испытывает восторг, глядя на мой всеобщий разлад и растерянность.

Оглянувшись, я медленно, не дыша, отошёл от дерева и, уже издали, ещё раз взглянув на меченый ствол, пригрозил ему кулаком. Потирая горящие, словно от лихой пощёчины, щёки, я развернулся и пошёл дальше, стараясь думать только о том, что впереди.

Серое, белое, серое, белое... То чуть беловатое и грязное, а потом вдруг иссиня чёрное. То мутная, расплывчатая темнота, то ослепляющая, ядовитая белизна. А потом опять полосы: белая, чёрная, белая, чёрная, и везде, куда ни глянь, лохмотья чего-то совершенно бесцветного.

Я шёл, стараясь не замечать ни холода, ни своего бессилия, ни дерева, пусть даже оно идёт за мной по пятам. Я шёл, и ни один день из моей жизни не казался мне таким длинным и трудным.

— Наверное, это потому, что он последний, — думал я обречённо, — А может, я уже умер? — вдруг пришло мне в голову, — Значит, я призрак? И буду ходить теперь в этих снегах, среди деревьев-преследователей всегда? Всю смерть?

От этой мысли мне стало так холодно, словно и без того низкая температура воздуха ещё упала градусов на сто.

— Ну, уж нет, не дождётесь, — процедил я сквозь зубы и рванул в самую чащу.

Не знаю, что гнало меня вперёд — то ли ненависть к сложившимся обстоятельствам, то ли появившаяся вдруг боязнь смерти, которой совсем недавно я так жаждал, или желание убежать от дерева, что то и дело появлялось предо мной, приближая тем самым мой разум к той черте, за которой безумие.

— Это сумасшествие какое-то! — пытаюсь сдерживать ярость, завопил я, натолкнувшись на него в очередной раз, — Я что, слепой? Я ведь не хожу кругами, я же не сошёл с ума! Ну чего, чего тебе надо? Оно издевается надо мной... Ты издеваешься надо мной? Ты!

Я снова сорвался на крик.

— Да я уничтожу тебя в любой момент! Для меня это... Взять и срубить!

— Убить-бить... — подхватило эхо.

— А ты будешь стоять на одном месте и ждать своего конца! — бушевал я, — Хотя, нет, ты убежишь, у тебя же ноги, наверное, есть! Стоите вы тут себе, а мы придём, и чик — нету вас! И все скажут нам спасибо, ведь негде больше будет теряться-то!

Я орал. Где-то там, внутри, я понимал, что во всём виноваты мои распатанные нервы, но поделаться с собой ничего не мог. У меня уже потемнело в глазах и пересохло в горле, а я всё орал, орал...

— А ты знаешь, сколько вот таких же, как ты, я отправил на дрова? Разрубил?

— Бил-бил-бил... — снова подхватило эхо мой сорвавшийся вопль, а мне показалось, что это сами деревья передают друг другу эти слова.

Захлебнувшись в собственном крике, я смолк. Заглянув в мир стоящих вокруг меня бесчисленных деревьев, плотно закрывших собою всё небо, деревьев, грозных, словно солдаты, приготовившиеся к наступлению и одновременно таких безропотных и смиренных, прошептал:

— Да не бойся ты... Я больше не обращаю на тебя внимание...

«Да, просто не обращать внимание, — сказал я себе, — Пусть они хоть все стоят с крестами! Я — ноль внимания. Посмотрим тогда...»

— А может, я тебе очень нравлюсь? Вот ты и прилипло... — вдруг обратился я к нему как к другу, с которым в огонь и в воду... — Знаешь, я так устал... Одно хочу — домой.

И усталость взяла своё. Присев у сосны, я даже не заметил, как, погрузившись в дрему, уходил всё дальше и дальше, жадно цепляясь за свои видения, что были никак не связаны с зимой, лесом и одиночеством. Мне приснился родной дом, мать...

Мама... Она хлопотала на кухне. Увидев меня, очень обрадовалась. Но так строго и сдержанно: ни объятий, ни поцелуев... Как-то не принято это было у нас.

— Только что о тебе вспоминала, — говорит, — Куда ты пропал?

А возле её ног пёс вертится... Мой пёс?

— Да это же мой Барри!

— Как? — переспросила она, — Ну и назвал же ты... А я его просто Бимкой зову. Окликается. Пришёл вот ко мне... Вместе теперь живём. Ну, хороший...

Она потрепала за Барри ухо. Он, услышав свои имена, радостно завилял хвостом, поглядывая то на меня, то на маму, продолжавшую свои дела. В печи что-то пеклось и невыносимо приятно пахло.

— А к нам вернулась зима, представляешь. Уже май, а тут опять всё замело... Уже уходишь? — вдруг спросила она.

Я вздрогнул то ли от того, что увидел за окном юную зелень, утонувшую в снегу, то ли от её слов, что становились всё тише и звучали уже откуда-то издалека...

— Возвращайся скорей...

Я очнулся так же внезапно, как и заснул. Приснившийся запах еды заставил желудок напомнить о себе. У меня словно дыра открылась в животе. Страшно хотелось есть. Но «запись» моего видения, закрутившись в обратную сторону, отодвинула голод на второй план. Горячая печь, Барри-Бимка, мама...

— Мама!

Моё сердце, сжавшись от тоски, на миг остановилось.

— Мама... Я так соскучился... Прости меня... Я скоро вернусь домой. Я так хочу домой!

Я вспомнил себя маленьким мальчиком, который очень хотел к маме. Сейчас же, непременно! А потом я почувствовал себя сиротой. Мой пёс Барри, мой любимый Барри, которого я вырастил от пузатого щенка до красавца охотника, только он у меня и был в этой чужой деревне, Барри никак не мог встретиться с моей матерью, потому что издох месяц назад.

Интересно, вот вода — она же прозрачная... А почему тогда снег — белый? Если всё будет нормально, сразу же поеду домой. А что вообще случилось-то? Ничего особенного. Просто меня больше никто не ждёт. Никто.

Зима... Зима, зима-зима-зима... Зима.

Никто не думает обо мне. Никто не находит меня красивым, сильным, самым лучшим из всех мужчин. Никто не хочет от меня детей. Никто не счастлив оттого, что я просто есть.

А ведь я и не замечал никогда зимы-то. Тогда, раньше... Ну, одежды надел побольше, ну продрог там слегка, и всё! Вот и вся зима! А здесь я только и делаю, что изучаю её анатомию. Я не хочу так! Я не так хотел! Сплошные крайности. Где же гармония, господи?

Тепло... Главное, погрузиться в тепло, дать отдохнуть телу, которое уже устало бороться с тобой, катастрофа! Но ведь когда-то было такое — меня любили, желали, ждали... Так что же случилось? И дерево это... И ты... Прости, прости, прости меня!

Дебри старых деревьев сменили сады молодой поросли. Среди её нежных стволов, словно строгая няня в яслях, возвышалась огромная, раскидистая сосна. На теле её, точно орден за подвиги, сиял крест. Меня затрясло. Какой-то другой, неизвестный ранее, страшный, злой человек проснулся во мне. Зверь, не знающий ни добра, ни сострадания. Безжалостное животное, опасное в своём безумии. Я снял рукавицы, посмотрел на руки: я видел, как вместо ногтей у меня вылезают когти! Больше, чем у медведя! Потрогал лицо. Я чувствовал, что с ним что-то происходит: челюсти вытягиваются, зубы превращаются в клыки... Да, сейчас я весь встряхнусь, сброшу с себя эти нелепые людские одежды и вскочу на четыре лапы, готовый растерзать всё, что стоит на моём пути! На пути было дерево.

Глаза мои налились кровью. Я смотрел на него с такой злобой, что казалось, оно вот-вот рухнет, не выдержав моего взгляда! От страха дрожал весь лес. Только эта сосна стояла спокойно и ровно. Она смотрела на меня со своей высоты совершенно не зло и не испуганно, а словно издеваясь, сочувственно и доброжелательно.

Мои острые клыки исчезли. Куда-то пропала ярость... Я снова стал мелким, слабым человечешкой. Но сдаваться я не хотел.

Я выхватил нож и бросился к дереву. В приступе бешенства я стал разгребать снег у ствола. Не только для того, чтобы убедиться, что у этого дерева есть корни, что его сюда никто не поставил, желая напугать меня, а чтобы ему,

такому доброму и сильному, сделать больно, больно, больно!

— Ну, где у тебя ноги? — шипел я, вонзая клинок то в ствол, то в окаменевшую землю, и резал, резал чёрную податливую кору и серебристые слои снега, рассекая распластавшуюся под ним безмятежно спящую траву.

Крупная шишка, сорвавшись с сосны, просвистела как пуля и больно стукнула меня в висок. Я бросил нож и обхватил голову. Казалось, меня прострелили насквозь, было так больно, что я даже не мог кричать. На какую-то секунду мне стало совершенно всё равно, кто есть я, а что есть оно, и для чего всё вокруг...

Я приложил к виску снег, немного пришёл в себя... Но, взглянув на серое месиво под стволом, вдруг снова завёлся и опять стал орать:

— Но вот же они — корни! Ты что, за дурака меня принимаешь? Вот же они! И что это значит? Значит, что кто-то, опережая меня, режет эти кресты? Кто бы это мог быть? Ещё один заблудившийся лесоруб? Или два лесоруба? А может быть, три? Или это какая-нибудь умная белка? А может, снежный человек? — у меня ослабли колени. Я вдруг вспомнил многочисленные рассказы Старшого и других деревенских про лесного человека, слушая которые не раз ухмылялся. Эдакие страшилки для местных ребятишек, чтоб не шалили, думал я. Но байки эти, полные жутких подробностей и описаний дикого нрава таинственных существ, встречи с которыми боялся и стар и млад, наводили на всех животных ужас.

— А что, Старшой-то врать не будет... — думал я, чувствуя, как меня парализует страх, над которым я тогда смеялся.

Я боязливо осмотрелся по сторонам.

— А кто ещё живёт в лесах... Так, суслики, зайцы, волки, медведи... Медведи спят, это неплохо... Лоси, суслики... Интересно, эти... люди... они едят людей? Как страшно! А может, мы вторглись в их владения? Я читал, они запросто владеют гипнозом... Так может, я заколдованный?

— А может, Старшой не умер вовсе? — пришла мне в голову сумасшедшая мысль, — Но зачем тогда ему так зло шутить надо мной? А разве он не способен на месть, разве не мог обидеться за всё... Или это сами деревья? Но это же просто смешно! Я натянул шапку на глаза — мне захотелось стать слепым, глухим, невидимым и неосязаемым, а ещё лучше — действительно безумным.

— И ничего, ничего не чувствовать, и ни о чём, ни о чём не думать, — просил я кого-то, кто сидел в моей голове и строил безумные версии о белках и об оживших деревьях. Я надеялся — нет, я не надеялся — я страстно желал, что сейчас открою глаза и окажусь в любом другом месте, всё равно в каком, только не здесь, только не в этом аду, в который всё-таки попал.

* * *

Снег, кровь, время, время, смерть... Боль, тоска, бессилие, холод... Тоска... Нежность, прощение, рождение, день рождения... Множество слов, все смыслы которых, буквальные и сокровенные, пронеслись в моей голове, словно чья-то чужая, полная страстей и приключений жизнь, и исчезли. А я всё стоял, чувствуя какое-то сладостное опустошение, и мне казалось, что стою я так уже вечность, и что я — это уже вовсе и не я, а самое невзрачное, самое тонкое деревце, хрупкая былинка, медленно погибающая в тени могучих соседей. Мне бы расти где-нибудь на солнечном, обдуваемом всеми ветрами холме, но я, пусть и самое слабое, но дерево, а деревья не могут выбирать свою судьбу.

Я открыл глаза и сделал глубокий вдох. Наблюдая, как выдох, превратившись в облачко пара, растворяется в воздухе, я обрадовался:

— Нет, я не дерево. Я... Я это я.

Сняв с себя шарф, я обвязал им ствол, прикрыв злополучный крест. Аккуратно, будто извиняясь, притоптал снег у ствола, даже подсыпал свежего, разгладив и выровняв его, словно ничего и не было, и прощённый, довольный собою, отправился дальше.

Я больше не шёл, я летел над снежной поверхностью, я летел и не видел ничего вокруг себя, только мерцающую впереди голубую даль, что, просвечиваясь сквозь поредевшие деревья, означала лишь одно — конец леса. Я летел и умолял готовое рухнуть без сознания тело: давай, маши, маши крыльями! К небу, к небу! И летел к свету,

что, приближаясь, становился всё больше и шире. И вдруг в какой-то момент снег, слившись с небом, вспыхнул так ярко, что ослепил меня, и я действительно — полетел...

* * *

— Вот один раз пошёл я в лес, летом то ещё было. Поохочусь, думаю, малость... И день такой погожий загорался... Брожу, значит... И вдруг, ни с того ни с сего, в погоде всё изменилось: такая буря страшная началась! Гром, молнии грозят, и ветер, будто с ума сошёл: деревья гнёт, словно былинки какие!

И нет, чтобы схорониться мне где-нибудь, — побежал обратно, до дома... Благо, ушёл-то недалече. Вот... Бегу я... И страх какой-то во мне проснулся: чем, думаю, Бога прогневил, ведь не подстрелил ещё никого. Бегу, а дома-то всё не видно. И понимаю: заплутал. А всё вокруг громыкает, переворачивается сверху вниз... И так мне хочется выбраться из этого светопредставления, что аж паниковать начал!

Остановился я. Глаза закрыл и молиться начал, так, своими словами... За все грехи прощения просить и дороги просить, как спасения.

И успокоилось всё вдруг во мне. И будто вырвался я из окружающей данности. Стало мне уютно в себе и покойно... И до десяти не успел бы посчитать, как вышел к своему селу, то есть рядом совсем метался-то.

— Что-то ты всё дом свой теряешь...

— Да уж... Нехорошо как-то...

— Знаешь, а я понял, почему погибают лучшие...

— Почему?

— Уж чересчур они хороши для этой жизни. Ведь она, жизнь, даётя человеку для того, чтобы совершенствоваться, а если ты уже и есть такой, совершенный, то и иди себе спокойно в рай.

— А ты, оказывается, философ...

— Да куда мне...

— А что, кто-то умер?

— Мы не были...

— Тишь! Слышишь, плачут?

— Это... Твой дом потерял тебя, Старшой.

— Я не замёрз, — подумал я, очнувшись, — Я разбился. Я долго лежал лицом вниз, пытаюсь оценить собственную поломанность, пока не понял, что всё во мне цело, не считая разбитой губы, капнувшая с которой кровь раскрасила щепотку снега в цвет моей жизни. Я был невредим, но как-то вдруг очень и очень устал. Окончательно. Я больше не мог подняться и встать на ноги. Перевернувшись на спину и устроившись в снегу поудобнее, я посмотрел в небо, которому был рад как никогда ещё в своей жизни.

Словно ожидая момента, когда я посмотрю наверх, скупое на ласку зимнее солнце вынырнуло из плоских, бесцветных облаков. Бывшие до этого невидимыми мельчайшие снежные частицы, плавающие в воздухе, засверкали, наполняя пустоту жизнью. Они парили надо мной, над шапками деревьев, ветви которых замысловатыми узорами уходили далеко в небо. И не было ничего лишнего или неправильного в том узоре, и даже заплутавшие в кронах осенние листья были к месту. Пролетел ворон, обронив в лес отдавшееся эхом «Ааа...»

Повернувшись на бок, я стал разглядывать снежинки. Они лежали вокруг меня повсюду: и близко, и далеко, превращаясь в единую, похожую на кружево, снежинчатую массу. Они мерцали своими, словно отполированными, гранями и вовсе не казались холодными. Я положил горсть снежинок себе на рукав, и не нашлось таких слов в моём простом словаре, чтобы сказать самому себе, какие они невероятные, какие они нежные и невозможно, невозможно красивые!

Восхищение сменилось раздражением: забытые было воспоминания о боли и о пережитом страхе вернулись ко мне и вновь наполнили моё сердце горечью.

— Разве может то, что причиняет боль и страдания, быть таким красивым? Разве смеет? — вертелось в моём сознании.

Я поднёс рукав ко рту и дыхнул на них. Снежинки, вмиг истончившись, исчезли, оставив от себя маленькие слёзки. И всё вернулось на круги своя: холодное стало холодным, мёртвое — мёртвым, я — потерянным.

Солнце спряталось. Меня опять не стало. Кончится ли когда-нибудь эта битва?

Решая, в какую сторону идти дальше, я сел и стал оглядываться по сторонам. Я не поверил своим глазам, когда на самой вершине склона, с которого скатился, увидел... дерево! С моим шарфом! Оно стояло наверху и протягивало мне свои ветви, как протягивал бы руку помощи человек человеку. Вытягиваясь через всё пространство, разделяющее нас, ветви, о боже, тянулись ко мне!

Я испугался и закрыл глаза.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я открыл их, то не увидел ничего необычного, кроме дерева с шарфом, которое действительно стояло, просто стояло на вершине холма.

— Странно, как же я не заметил его ещё там? Хотя, о чём я... Оно же появляется, когда захочет. Я вскочил с места. Цепляясь за ветки кустарника и иссохшие стебли растений, что обращались в прах в моих руках, я стал подниматься наверх.

Не знаю, зачем я опять полез туда, ведь решение моё не обращать внимания на необъяснимые появления этого дерева, что бы ни случилось, было железным. Я был уверен, что, поднявшись, не увижу его, что оно снова куда-нибудь «уйдёт» подкарауливать меня. Но дерево стояло. Там же и такое же, каким я видел его снизу.

Пытаясь отдышаться после крутого подъёма, я, совершенно обессиленный, прислонился к нему спиной и посмотрел вокруг. С места этого открывались все холмы, сплошь поросшие таёжной чащобой и всё, что было за ними: все далёкие снежные равнины, что сливались на горизонте с небом, и все прозрачные дали.

У меня перехватило дыхание от увиденного... Возвышаясь над сизыми угрюмыми лесами я словно воспарил над планетою! До боли в глазах всматриваясь в каждый заснеженный уголок, будто зачарованный, я долго тонул взглядом в её млечных покровах, пока среди всей этой зимы вдруг не увидел... село.

Ноги мои подкосились. Я упал возле дерева и не мог больше тронуться с места. Я смотрел на этот мир, что лежал предо мной, словно на ладони, представлял, как приду сейчас в деревню, как буду рассказывать о том, что знаю, и как меня будут мучить, выпытывая то, чего не знаю. Я представил, как расскажу о дереве... Наверное, кто-нибудь покрутит у виска, слушая меня...

Начинало смеркаться. В голубом, сумеречном воздухе вспыхивали одно за другим окошки изб. Дымы из печных труб седыми змеями уходили высоко в темнеющее небо и терялись в нём. Слышался далёкий собачий лай.

Я поднялся и обхватил дерево. Обнял его крепко-крепко и, вдохнув смоляной, янтарный запах, пронёсся со скоростью света через всё его сосновое тело — от самых корней до последней, самой юной иголки — и вернулся... Я воскрес. Пошёл снег, падая с фиолетового неба пушистыми хлопьями. Раскалённый прежде морозами воздух стал мягким и ласковым. Снег падал, а я всё стоял и смотрел на эту маленькую Вселенную, где всё находилось в гармонии, где всё было в равном количестве: беды, радости, ненависти, любви... Вселенную, где на всё есть ответ, главное — услышать.

Снежинки всё падали, заботливо укрывая своими хрупкими тельцами всех, кому холодно и одиноко, всех, кто спит. А мы всё стояли и смотрели на этот убаюканный зимою мир, я и дерево. Было тихо.

Литературно-художественное издание

Йана Зайцева
Я, ДЕРЕВО

Редактор Арсения Зайцева
Корректор Арсения Зайцева
Художественный редактор Арсения Зайцева
Художник-иллюстратор Александр Зайцев
Компьютерная вёрстка Арсени Зайцевой

Формат издания 84x108/32 Печать офсетная.
Гарнитура SchoolBook.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

©Арсения Зайцева, 2014

